

Тарасов В.Е.

Старший научный сотрудник,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕРДЯЕВ О РУССКОМ ФИЛОСОФСКОМ СОЗНАНИИ

Аннотация

В статье, на основе анализа работ Бердяева Н.А., рассматриваются основные черты русского философского сознания, его истоки и эсхатологическая устремленность, его духовная роль в будущем человечества.

Ключевые слова: философское сознание, русская идея, Богочеловечество.

Keywords: philosophical consciousness, Russian idea, Godmanhood.

Две вещи наполняют душу всегда новым и
все более сильным удивлением и благоговением,
чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, —
это звездное небо надо мной и моральный закон во мне".

Иммануил Кант [1]

"Два мира властвуют от века,
Два равноправных бытия:
Один объемлет человека,
Другой — душа и мысль моя".

Афанасий Фет [2]

Введение

Философская культура "первой волны" русской эмиграции в течение очень долгого времени отбрасывалась как белоэмигрантская. Это определяло отрицательное отношение в Советском Союзе, как ко всем философам русского зарубежья, так и ко всем их произведениям. С началом перестройки и гласности в Советской России негативное отношение к русскому зарубежью сменилось пристальным его изучением. Внимание к истории отечественной культуры проявляется в росте интереса к подлинным ее памятникам, среди которых большое место занимают произведения философов. В последние годы существования Советского Союза активно публиковались работы философов русского зарубежья, среди которых труды Н. Бердяева занимают огромное место. Это обусловлено тем, что он является "одним из самых глубоких, оригинальных мыслителей, которого по праву причисляют к крупнейшим философам нашего столетия" [3,161].

Проблемы национального русского сознания у Бердяева тесно связаны с понятием "русская идея" и восходят к славянофилам, к их видению особой роли России в мировой истории. Эта роль, по мнению Бердяева, носит духовный характер и не связана с государственным, имперским могуществом. России предстоит соединить воедино разошедшиеся ветви прогресса человеческой цивилизации, выработать модели их синтеза, в котором высочайшее материальное развитие соединится с глубочайшей духовностью Богочеловечества. "Русская идея" у Бердяева не несет национально-ограниченного оттенка, это понятие универсального, вселенского, общечеловеческого сознания.

Философия и философское сознание

Выбор для анализа в данной статье именно философского сознания обусловлен тем, что традиционное определение философии, наиболее часто встречающееся в научной и учебной литературе и квалифицирующее ее как науку особого рода — об общих законах бытия и мышления, — является упрощенным и ограниченным. "Философия гораздо шире любой науки и по предмету, ибо она охватывает весь мир как материальный, так и духовный, и по способам осмысления этого мира. Философия может стремиться конструировать себя по подобию науки. Это одна из распространенных в современном мире тенденций..." [9,26]. Если придерживаться определения философии, данного в философском энциклопедическом словаре, то философия есть "форма общественного сознания; учение об общих принципах бытия и познания, об отношении человека к миру; наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления" [10,695]. Таким образом, философия, как одна из семи форм общественного сознания (политическое, правовое, моральное, религиозное, эстетическое, философское, научное), близка к науке, искусству, религии, но не совпадает и не эквивалентна им.

Хотя современная философия часто стремится походить на науку, тем не менее, уместно говорить лишь о "научообразной" философии, но никак нельзя утверждать, что философия есть "наука особого рода" [9,27]. Известно, что в средние века на Востоке и на Западе господствующей формой сознания была религиозная. Философии, так же как и науке, отводилась роль "служанки богословия" [11], но как ни сильно было влияние церкви и религии, философия не определяется как религия особого рода и не отождествляется религией и философией. Так же мы не должны отождествлять философию с естественными науками или гуманитарными науками и "превратить ее, образно говоря, в "служанку естествознания". Эта позитивистская тенденция вовсе не преодолена, ибо сам стиль современного научного мышления постоянно ее воспроизводит и оказывает немалое давление на современную философию" [9,27], ограниченные же представления о философии, являющиеся следствием абсолютизации современного научного мышления препятствуют пониманию философии.

Подтверждения в пользу более широкого представления о философии как форме общественного сознания дает история античной философии, в которой выделяются два различных способа духовного освоения (осознания) мироздания. "Духовное освоение мироздания возможно как путем совокупности связанных между собой — в основном психологическими ассоциациями — образов и представлений, так и путем логически организованной системы понятий и категорий" [12,5]. Ярким представителем первого способа философствования является великий античный философ Сократ, оказавший огромное влияние на античную и мировую философию. Сократ не писал никаких сочинений и проявил себя в диалогах и беседах [14]. Его жизнь была воплощением его учения, он был, по словам К. Маркса, "олицетворением философии" [15]. Не менее яркой фигурой является ученик Сократа, родоначальник одного из главных направлений в античной философии, "последовательной философской системы объективного идеализма" [16,46], афинский философ Аристокол, более известный под своим псевдонимом Платон. Почти все произведения Платона написаны в художественно-диалоговой форме и рассчитаны на массового читателя. Произведения Платона принадлежат в равной степени, как к литературе, так и к философии. Древнегреческий философ Аристотель, участвующий в Академии Платона в течение двадцати лет, сначала как слушатель, а затем как преподаватель, более тяготел к энциклопедизму. Его способ философствования, путь духовного освоения мироздания, проходил через логически организованную систему категорий и понятий.

Подобное размежевание и вместе с тем взаимное дополнение различных способов философствования характерно для всей европейской и мировой философии. Нравственно-практический способ философствования (Сократ) был воплощен на Руси в деятельности многих подвижников духа, представлявших как каноническое, так и еретические течения.

Духовное освоение мироздания методом художественного творчества (Платон) реализовалось в произведениях множества писателей, публицистов, литературных критиков. Метод же логического анализа не напел широкого распространения в России. В данной статье рассматривается философское сознание, поскольку сужение философии с особой формы общественного сознания до науки особого рода препятствует пониманию качественного своеобразия русской философии, русского философского сознания. При этом, конечно, существует опасность подмены философии парафилософией, т.е. "выдавать за философию, например художественное мировоззрение или различные общественно-политические учения" [12,14]. Или, другими словами, смешивать различные формы сознания, подменять философское сознание другими формами общественного сознания. Эта опасность велика в силу того, что в общественном сознании в процессе развития происходят изменения, взаимодействия, взаимовлияния его уровней и форм. В данной статье эту опасность мы постараемся избежать.

Истоки русского философского сознания

В своих работах Н.А. Бердяев подчеркивает, что неверно оценивать Россию как страну молодой культуры, которая в недавнем прошлом была еще полуварварской. "Россия страна старой культуры. В киевской России зарождалась культура более высокая, чем в то время на Западе: уже XIV веке в России была классически-современная иконопись и замечательное зодчество" [5,7]. Высокая оценка древнерусской живописи, вошедшей в сокровищницу мировой культуры, объясняется в немалой степени ее глубокой философичностью, а не только колоритом красок или другими эстетическими достоинствами. "Исследователи искусства это хорошо понимают, а историки философии, к сожалению, не всегда" [9,26]. Кроме этого, отмечает Бердяев, "русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопросы философского характера — о смысле жизни, о Боге, о вечности жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божье". Но русский народ "не был народом культуры по преимуществу, как народы Западной Европы, он был более народом откровения и вдохновения, он не знал меры и легко впадал в крайности" [6,44]. В книге "Судьба России" Бердяев подчеркивает, что русский народ в высшей степени поляризованный и противоречивый. Противоречивость и сложность русской души Бердяев связывает с тем, что в России сталкиваются и взаимодействуют два потока мировой истории — Восток и Запад. Он говорит, что "в русской душе всегда боролись два начала, восточное и западное". Загадочную противоречивость России, одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов Бердяев видит "в неединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере" [4,15]. В работах Бердяева часто можно встретить утверждение о "женской природе русского народа" [5,109], о "женственности славян" [4,22], о том, что глубинное в национальной стихии в России и в русском сознании является женственным [4,15,16]. В той или иной форме, Бердяев подчеркивает, что у русского сознания и женской души очень много общего, единого, глубинного.

Бердяев также отмечает соответствие между необъятностью русской земли и русской души, русского сознания. Русскому народу трудно было овладеть огромными пространствами и оформить их. Русский народ был подавлен огромной тратой сил, которой требовали размеры русского государства. Государство крепло, народ хирел, говорил Ключевскими. Нужно было овладевать большими пространствами и охранять их. У русского народа была огромная сила стихии и сравнительная слабость нормы. Женственность делала его мистически чутким, способным прислушиваться к внутренним голосам.

В противоположность славянофилам Бердяев считает развитие России прерывистым, катастрофическим. В Русской истории Бердяев выделяет шесть разных периодов: Киевский, Татарский, Московский, Петровский, Императорский, Советский. После паде-

ния православной Византийской империи, второго Рима, в русском народе возникло сознание, что русское, московское царство остается единственным православным царством в мире. Для истории русского мессианского и эсхатологического сознания очень большое значение по-Бердяеву имеет идея инока Филофея о Москве, как Третьем Риме. Миссия России быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия. Это призвание религиозное. Религиозное и национальное в Московском царстве срослось между собой, срослось в сознании русского народа. Императорский соблазн входит в мессианское сознание. "Духовный провал идеи Москвы, как Третьего Рима, был именно в том, что Третий Рим представлялся, как проявление мощи государства, сложился как Московское царство, потом как империя, и, наконец, как Третий Интернационал" [6,50].

Исправление ошибок при патриархе Никоне в богослужебных книгах по греческим образцам и незначительные изменения в обряде вызвало бурный протест народного религиозного сознания, религиозный раскол старообрядчества [17]. Раскол нанес первый удар по идее Москвы, как Третьего Рима. Второй удар был нанесен реформой Петра. Реформа Петра была как совершенно неизбежной и подготовленной предыдущими процессами, так и насильственной, была революцией сверху. Поражает у Бердяева необычная оценка личности Петра. Петр Великий, ненавидевший обычаи Московского царства, "был типичный руссак". "Только в России мог появиться такой необыкновенный человек". В Петре были черты сходства с большевиками, "Он и был большевик на троне" [6,55]. Реформа Петра определила всю дальнейшую историю России. По оценке этой реформы разделились направления русской мысли. Славянофилы видели в деле Петра измену исконным национальным русским основам и насилие над русской жизнью, русским сознанием. "Западники никакого своеобразия в русской истории не видели, считали Россию лишь страной отсталой в просвещении и цивилизации, западно же европейский тип цивилизации был для них единственным и универсальным" [5,11]. Бердяев указывает на неверность этих точек зрения. Славянофилы были неправы, во-первых, потому, что реформа Петра была неизбежной: Россия должна была преодолеть свою отсталость, изоляцию, замкнутость и приблизиться к мировой жизни. Без этого русский народ "не только не мог выполнить своей великой миссии, но самое его независимое существование подвергалось опасности" [5,11]. Во-вторых, именно в этот период истории произошел расцвет русской культуры. "Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа, ... видели никакой миссии России, кроме необходимости догнать Запад. Они не видели того, что все же видели славянофилы - насилия над народной душой, произведенного Петром" [5,12]. "Приемы Петра были совершенно большевистскими. Он хотел уничтожить старую Московскую Россию, вырвать с корнем те чувства, которые лежали в основе ее жизни. И для этой цели он не остановился перед казнью собственного сына, приверженца старины" [5,12]. Бердяев говорит, что можно сделать сравнение между Петром и Лениным, между переворотом петровским и переворотом большевистским. "Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, так же прерывность органического развития, отрицание традиций, ... тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации" [5,12].

В русской душе происходила борьба Востока и Запада. "Целостность Христианского Востока противопоставляется рациональной расчлененности Запада" [5,24]. Западное просвещение было чуждо русскому народу. Влияние Запада в течение более двух столетий не овладело русским народом. Основное столкновение в русском сознании было между идеей империи, могущественного государства военно-полицейского типа, и религиозно-мессианской идеей царства, которое корнями уходило в народный слой. При этом Бердяев замечает исключительную способность русских к усвоению западных идей и учений и к их своеобразной переработке. "Русские все склонны воспринимать тоталитарно, им чужд скептический критицизм западных людей. Это есть недостаток, приводящий к сме-

шениям и подменам, но это так же достоинство, и указывает на религиозную целостность русской души" [5,18]. Русское сознание пыталось "уйти от непреодолимой грусти русской действительности в идеальную действительность. Этой идеальной действительностью была или допетровская Россия, или Запад" [6,67]. "Русские искали в западной мысли, прежде всего, сил для изменения и преобразования собственной неприглядной действительности, искали, прежде всего, ухода из настоящего" [6,67].

Бердяев отмечает русский максимализм, стремление "Русского сознания к целостности, оно не мирится с разделением всего по категориям, оно стремится к Абсолютному и все хочет подчинить Абсолютному, и это религиозная в ней черта...". [5,19]. Очень важно отметить, что русское сознание имеет склонность к тоталитарным учениям и целостным мирозерцаниям. "Только такого рода учения и имели успех в России. В этом сказывался религиозный склад русского народа. Русская интеллигенция всегда стремилась выработать себе тоталитарное целостное мировоззрение" [6,69]. Отметим, что русский интеллигент издавна привык ставить вопрос о смысле жизни и ставить его в форме вопроса "что делать?" [19,7,8]. Этот вопрос означал для него: "как переделать мир, чтобы осуществить в нем абсолютную правду и абсолютный смысл?". "Он всем существом своим ощущает, что нужно не "просто жить", а жить для чего-то. Но именно типичный русский интеллигент думает, что "жить для чего-то" значит жить для соучастия в каком-то великом общем деле, которое совершенствует мир и ведет его к конечному спасению" [19].

Русское философское сознания XIX века

"Русская самобытная мысль", - пишет Бердяев — "пробудилась на проблеме историческо-философской. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба" [6,7]. Русским людям давно уже было свойственно чувство, что Россия имеет особую судьбу, что русский народ - народ особенный. Наша историческо-философская мысль развивается в атмосфере "глубокого пессимизма в отношении к прошлому и особенно настоящему России и оптимистической веры и надежды в отношении к будущему". Такова была и философия истории Чаадаева: "Мы принадлежим к числу наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок" [6,73]. Разочарование Чаадаева в России и разочарование Герцена в Западе - характерное явление для русского сознания [6,72]. Русское самосознание должно пройти через горькое самоотрицание, это был драматический момент в развитии русской идеи. И сам Чаадаев в "Апологии сумасшедшего" приходит к утверждению великой миссии России. Чаадаев и Печорин представляли у нас религиозное западничество, которое предшествовало самому возникновению западнического и славянофильского направления. Но у этих религиозных западников есть и славянофильские элементы, так Печорин верил, что Россия вместе с Соединенными Штатами начнет новый виток истории.

Герцен был из тех русских западников, которые страстно мечтали о Западе и идеализировали его. Герцен эмигрировал и стал одним из первых русских эмигрантов. "Увлечение Герцена Западом было типически русским и типически русским было и разочарование Герцена в Западе. После него многие русские пережили аналогичное разочарование" [5,29]. "Когда живешь в России, для тебя Запад — нечто загадочное и возвышенное... Вообще я понял, что русское "западничество" часто не имеет отношения к Западу как таковому..." - говорит известный писатель-эмигрант В. Аксенов [20], и продолжает "Как ни странно, я это ощущал и на себе - мое "западничество" или даже американофильство не всегда имело отношение к Западу или Америке, а скорее к каким-то русским фантазиям, к способу нравственного сопротивления, утверждения своего внутреннего мира, к самозащите, вызову...". По мнению Аксенова "западничество необходимо русской культуре, чтобы не опуститься в "азиатчину — не в Азию с ее культурой, а именно в азиатчину, то есть

бесформенность". При этом он подчеркивает, что одно дело относиться "к индивидуализму как идее", другое к тому ее "воплощению, которое видишь в Америке. Американскому индивидуализму вообще не хочешь подражать: он просто вульгарен" [20]. Эти мысли схожи с мыслями Герцена, который "был поражен и ранен мещанством Запада". Вообще "обличение буржуазности Запада – традиционно-русский мотив" [5,29]. Это обусловлено во многом тем, что верховной ценностью русское сознание признает человеческую личность, которая раздавлена историческим прогрессом. Герцен кладет основание "своеобразному русскому индивидуалистическому социализму", который развивает Н. Бердяев в своих трудах. Герцен "один из первых увидел возможность социалистической буржуазности" [5,29].

Основным западным влиянием, через которое в значительной степени определялась русская мысль и русское философское сознание XIX века, было влияние Шеллинга и Гегеля, которые стали почти русскими мыслителями [5,24]. "До того как Гегель овладел думами русской интеллигенции, Шеллинг оказал преобладающее влияние на её духовный рост" [18,35]. Русское шеллигианство - было самостоятельным философским направлением, существовавшее в XIX век. Было еще одно обстоятельство, способствовавшее укреплению связей шеллигианства с русской культурой: "ни один из классиков немецкой философии не относился к России с таким интересом и с такой любовью. Нашей стране Шеллинг предсказал великое будущее" [18,38].

Основной вопрос, который интересовал русских людей в первой половине XIX века, увлекавшихся Гегелем, был вопрос об отношении к "действительности". Известно, что Гегеля можно понимать консервативно и революционно, - он породил правое и левое течения. Он был философом прусского государства, в котором видел воплощение абсолютного духа, и он же через диалектику породил Маркса. Русские гегельянцы сначала понимали Гегеля консервативно и истолковали мысль о разумности действительности, как необходимость примириться с окружающей действительностью [5,32]. "Тема столкновения личности и истории, личности и мировой гармонии, — говорит Бердяев — есть очень русская тема, она с особенной остротой и глубиной пережита русской мыслью" [6,105] и первое место тут принадлежит Белинскому.

У Белинского было характерно русское искание целостного мировоззрения, которое дает ответ на все вопросы жизни, соединяет теорию и практику, философски обосновывает социальный идеал. В конце 40-х у Белинского произошло "бурное и страстное обращение к социальной действительности, но не для примирения, а для борьбы" [5,33]. Он понял, что мечтательное отношение к жизни делает невозможной борьбу. Но у Белинского это принимает форму кризиса гегельянства. Бунт против Гегеля есть бунт во имя живой человеческой личности. Белинский восстает против "отвлеченного идеализма, далекого от конкретной жизни, который приносит в жертву мировому духу, общему — индивидуальное, живую человеческую личность" [5,33]. "К черту все высшие стремления и цели", - пишет Белинский, - "... судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира..." [6,109]. "Выраженные Белинским мысли сходны с мыслями Ивана Карамазова, с его диалектикой о слезинке ребенка и мировой гармонии" [6,109]. Это та же проблема конфликта частного и личного с общим и универсальным. Огромное значение для дальнейшей истории русского сознания имело то, что у Белинского "борьба за живую человеческую личность приводит его к борьбе за новое общее, за человечество, социальное устройство". Белинский не замечал, что после бунта против власти общего, универсального у Гегеля, он вновь подчиняет человеческую личность общему, универсальному — "социальности, господину не менее жестокому". Действительность не разумна, считает Белинский, и должна быть радикально изменена во имя человека. Из сострадания к людям Белинский готов проповедовать жестокость. "Я начинаю любить человечество по-маратовски: чтобы сделать счастливой малейшую его часть. Я, кажется, огнем и мечом истребил бы осталь-

ную" [6,109]. В этом Белинский, по мнению Бердяева, является предвестником русского коммунизма, большевистской морали. Бердяев отмечает, что для русской революционной интеллигенции характерно "любовь к дальнему", а не любовь к "ближнему". По Белинскому можно изучать внутренние мотивы, породившие мирозерцание русской революционной интеллигенции, которое будет долгое время господствовать и, в конце концов, породит русский коммунизм, но уже в иной исторической обстановке" [5,35].

В русском сознании атеизм родился из жалости и сострадания, из невозможности выносить страдание. Русские делают атеистами, потому что не могут принять Творца сотворившего злой, несовершенный мир, полный страданий. Русские атеисты хотят создать лучший мир, в котором не будет тех несправедливостей и страданий. В первоисточниках русского атеизма заложено было возвышенное, доведенное до экзальтации чувства человечности. Но в последних результатах русского атеизма, в воинствующем безбожии, получившем власть, человечность переродилась в бесчеловечность [5,35]. Это было предвидено Достоевским. Эта же диалектика развития отражена и в фильме "Убить Дракона", появившемся на экранах в 1990 году. В 60-ые годы XIX века в интеллигенции вошли новые социальные слои, а с ними появился более жестокий и аскетический душевный тип, более реалистический и активный. Появляются нигилисты. Нигилизм является характерным русским явлением, неизвестным Западной Европе. Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. И, тем не менее, нигилизм, по мнению Бердяева, является религиозным феноменом, который мог возникнуть лишь в православном сознании. "Это есть вывернутая на изнанку православная аскеза. В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное миро-отрицание, ощущение мира лежащего во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли" [5,39]. "Отношение русских нигилистов к науке было идолопоклонническим, а наука – под которой понимались в основном естественные науки, стала предметом веры" [5,39].

Народничество есть столь же характерное русское явление, как и нигилизм. Русские народники верили, что в народе хранится тайна истинной жизни, скрытая от господствующих культурных классов. В основе народничества лежало чувство оторванности интеллигенции от народа. Интеллигенция не чувствовала себя органической частью народа. "Русское народничество есть порождение раскола Петровской эпохи" [5,49], продукт сознания неоправданности и нелепости своей жизни, "продукт неорганического характера всего строя русской жизни" [5,49]. "Ни один народ Запада не пережил так сильно мотивов покаяния, как народ русский в своих привилегированных слоях" [5,49]. Народники верили в особые пути развития России, в возможность миновать западный капитализм. Одной из главных опор народнического социализма был тот факт, что русскому народу всегда были чужды римские понятия о собственности. Абсолютный характер частной собственности отрицался. Для русского сознания важно не отношение к принципу собственности, а отношение к живому человеку. И это, конечно, было более христианское сознание.

Русская литература XIX века "есть величайший памятник русского духа, и она приобрела мировое значение" [5,63]. Достойная оценка русской литературы, вошедшей в сокровищницу мировой культуры, во многом объясняется её глубокой философичностью, а не только её художественно-эстетическими достоинствами. "Русская литература родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого спасения" [5,63]. Это было связано со складом сознания выработанным православием, души, в которой остался очень сильный аскетический элемент и искание спасения, ожидание иной, высшей жизни. "Русские мыслители, когда у них была духовная значительность, всегда искали не столько совершенной культуры, современных продуктов творчества, сколько совершенной жизни" [5,64].

Начиная с Гоголя, русская литература ищет правды и учит ее осуществлению. "Гоголя мучило, что Россия одержима духами зла и лжи, что она полна рож и харь и трудно в ней найти человека. Ошибочно видеть в Гоголе сатирика. Он видел метафизическую глубину зла, а не только социальное ее проявление" [5,68]. Гоголь фантаст, изобразивший не реальных людей, а "элементарных злых духов, прежде всего духа лжи, овладевшего Россией" [6,113]. Интересно высказывание самого Гоголя о бедах России: "Оттого и вся беда наша, что мы не глядим в настоящее, а глядим в будущее. Оттого и беда вся, что как только, всмотревшись в настоящее, заметим мы, что иное в нем горестно и грустно, другое просто гадко или же делается не так, как бы нам хотелось, мы махнем на все рукой и давай пялить глаза в будущее" [21,273]. У Гоголя в "Выбранных местах из переписки с друзьями" была идея, что Россия призвана нести братство людям. Само искание Царства Божьего на Земле есть чисто русское искание. "С Гоголя начинается религиозно нравственный характер русской литературы, ее мессианства" [6,115]. "Ещё пройдет десяток лет", - писал Гоголь, - "и вы увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках" [21,298].

Русское философское сознание XX века

Тема о столкновении личности и мировой гармонии достигает гениальной остроты у Достоевского. Его мучила проблема теодицеи: как примирить Бога и миротворение, основанного на зле и страдании? В "Записках из подполья" Достоевский высказывает "гениальные мысли о том, что человек совсем не есть благоразумное существо, стремящееся к счастью, что он есть существо иррациональное, имеющее потребность в страдании, что страдание есть единственная причина возникновения сознания" [6,110]. Достоевский не согласен на мировой гармонию, на хрустальный дворец, для которого человек бал бы лишь средством. Позиция Достоевского обладала двойственностью. С одной стороны, он не мог примириться с миром, основанном на страдании. С другой стороны, он не принимает мира без страданий, в котором нет свободы. "Достоевский не хочет рая без свободы, но более всего возражает против принудительного счастья" [6,111]. "Проблема страдания стоит в центре творчества Достоевского. И в этом он очень русский. Русский человек способен выносить страдание лучше западного, и вместе с тем он исключительно чувствителен к страданию, он более сострадателен, чем человек западный" [6,111]. Русский атеизм, о котором говорилось выше, возник по моральным мотивам, вызван невозможностью разрешить проблему теодицеи. "Для Достоевского вопрос этот решается "свободой, как основы мира, и Христом, т.е. принятием на себя страданий мира самим Богом" [6,111]. Со свободой, которая есть знак высшего достоинства человека, его богоподобия, связано страдание. Отказ от свободы облегчил бы страдания. Тема о свободе есть основная тема "Легенды о Великом Инквизиторе" [13]. Тема распятия есть тайна свободы. Принятие свободы означает веру в человека, веру в дух. Отрицание свободы есть антихристов дух. Распятый Бог свободно избирается предметом любви. Если бы Сын Божий стал царем и организовал бы земное царство, то свобода была бы отнята у человека. "Великий Инквизитор говорит Христу: "Ты возжелал свободной любви человека. Но свобода аристократична, она есть непосильное бремя для миллиона миллионов людей. Возложив на людей бремя свободы. "Ты поступил, как бы не любя их вовсе"." [6,202].

Бердяев, философ свободы, считает Достоевского самым страстным защитником свободы человека, какого только знала история человеческой мысли. Но Достоевский раскрывает и "роковые результаты человеческого самоутверждения, безбожия, пустой свободы". Сострадателность и человечность у Достоевского превращаются в бесчеловечность и жестокость, когда человек приходит к человекобожеству, к самообожевлению. То есть, Достоевского можно назвать христианским гуманистом, "но он же провозглашает конец гуманистического царства" [6,121]. На западе конец этого гуманистического цар-

ства провозгласил Ницше, который читал Достоевского и на которого он оказал влияние. Отметим, что Ницше – мыслитель, на которого иногда возлагают вину за идеологию национал-социализма и фашизма, часто подчеркивал преимущества своего славянского происхождения. "Одаренность славян казалась мне более высокой, одаренности немцев, я даже думал, что немцы вошли в ряд одаренных наций лишь благодаря сильной примеси славянской крови" [22,44]. Удивляет и его признание: "Я обменял бы все счастье Запада на русский лад быть печальным" [22,45].

Свою религиозную тему Ницше отразил в идее сверхчеловека, в которой человек прекращает свое существование. Человек был лишь материалом, он лишь создал почву для возникновения сверхчеловека. "Кто победит боль, страх, тот сам станет Богом". "Мир закончит тот, кому имя человек-бог". При такой позиции происходит разрыв с христианской и гуманистической моралью, когда гуманизм переходит в антигуманизм. С большой глубиной эта проблема выражена у Достоевского в "Великом Инквизиторе". "Путь человеко-божества ведет, по Достоевскому, ... к отрицанию человека, который есть образ и подобие Божье, к отрицанию свободы" [6,121]. "Лишь путь Богочеловечества и Богочеловека ведет к утверждению человека, человеческой личности и свободы. Человечность, оторванная от Бога и Богочеловека, перерождается в бесчеловечность" [6,122].

Термин "человекобожество", говорит Бердяев, может породить недоразумение, поскольку это ведь христианская идея, что человек должен достигнуть обожения, но это возможно не через самоутверждение и самодовольство. В Иисусе Христе произошло соединение божественной и человеческой природы, и появился Богочеловек, то же должно произойти, в человеческом обществе, в истории. Но есть внутренняя диалектика гуманизма, согласно Бердяеву, "в силу которой гуманизм переходит в антигуманизм" [6,125]. В истории России "завершительным моментом этой диалектики гуманизма был коммунизм" [6,125-126]. Он, так же имел гуманитарные истоки, он хотел бороться за освобождение человека от рабства. Но в результате социальный коллектив, в котором человек должен быть освобожден от эксплуатации и насилия, делается поработителем человеческой личности. Утверждается примат общества над личностью" [6,126]. "И так всегда будет, если будут утверждать человека вне Богочеловечества. ... Человек в том лишь случае сохраняет свою высшую ценность, свою свободу и независимость от власти природы и общества, если есть Бог и Богочеловечество. "Это тема русской мысли" [6,127].

"Первоначально марксизм на русской почве был крайней формой русского западничества" [5,78]. Революционность, по Бердяеву, есть тоталитарность, целостность в отношении ко всякому акту жизни. Революционер тот, кто каждое совершаемое действие соотносит с целым, со всем обществом, подчиняет его центральной и целостной идее. Большеизм, который является по-русски трансформированным марксизмом, воспринял, по мнению Бердяева, прежде всего, не детерминистическую эволюционную сторону марксизма, а его мессианскую, религиозную сторону, выдвигавшую на первый план "революционную борьбу пролетариата, руководимую организованным меньшинством, вдохновленным сознательной пролетарской идеей". Он показал, как велика власть идеи, сознания над человеческой жизнью, над материей, если эта идея тотальна и соответствует "инстинктам масс". Пролетариату марксизм приписывает "мессианские свойства, на него переносятся свойства избранного народа Божьего" [5,81]. В "мифе о пролетариате по-новому возник миф о русском народе", который пал как иллюзия революционного народничества. Произошло как бы отождествление, пишет Бердяев, русского народа с пролетариатом, русского мессианства с пролетарским мессианством. В России народ-крестьянство соединяется с народом-пролетариатом вопреки тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом. "Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса" [5,89]. Только в России могла произойти коммунистическая революция, считает

Бердяев. Интернационализм русской коммунистической революции - чисто русский, национальный. В связи со сказанным, интересно отметить оценку Бердяевым личности Ленина, которого он считает типически русским человеком, и его роли в русском сознании. "Он остановил хаотический распад России, остановил деспотическим, тираническим путем. В этом есть черта сходства с Петром" [5,95]. Поражает и другая характеристика, данная Бердяевым. "Тип культуры Ленина был невысокий, многое ему было недоступно и неизвестно. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры. Он приобретал знания для определенной цели, для борьбы и действия. В нем не было способности к созерцанию" [5,97]. Используя слова Ф.М. Достоевского, "это было одно из тех идеальных русских существ, которых вдруг поразит какая-нибудь сильная идея и тут же разом точно придавит их собою, иногда даже навеки. Справиться с нею они никогда не в силах, а уверуют страстно" [23,30]. Революционность Ленина имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но став одержимым максималистической революционной идеей, он, в конце концов, потерял непосредственное различие между добром и злом. "Ленин не был дурным человеком, в нём было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и к нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе" [5,97].

Большевизм, Бердяев считает третьим явлением русской великодержавности, русского империализма, первым явлением которого было московское царство, а вторым явлением — петровская империя. "Произошло соединение воли к социальной правде с волей к государственному могуществу и вторая воля оказалась сильнее" [5,99]. Советскую Россию Бердяев видит как страну государственного капитализма, который может эксплуатировать не менее частного капитализма [5,105]. В связи с взятым сейчас курсом на рыночную экономику и капитализм, отметим интересное провидческое высказывание Бердяева: "Возможно даже, что буржуазность в России появится именно после коммунистической революции" [5,119]. Важно отметить и замечание Бердяева, сделанное в 1937 году. "Вся ограниченность и неправда коммунистической философии связана с непониманием проблемы личности" [5,145]. Бердяев подчеркивает, что личность не может быть частью чего-либо, не только общества, но и мира, она есть целое". Христианство представляется Бердяеву "соединимым лишь с системой, которую я называл бы системой персоналистического социализма, соединяющего принцип личности как верховной ценности, с принципом братской общности людей" [5,152].

В творчестве Л. Толстого человеческая жизнь погружена в круговорот космической жизни, у Достоевского — в историю. И Толстой и Достоевский проповедуют всечеловечность, которая является русской идеей, интернационализм есть лишь искажение русской идеи всечеловеческой, христианской универсальности. Русский народ по Достоевскому есть народ богоносец, именно потому, что он носитель всечеловеческой идеи, идеи всечеловеческого братства. В идее нравственного обновления мира "русской мыслью" сказала мечта Достоевского о наступлении на земле царства истинного человеческого братства, справедливости и любви. Путь к достижению гармоничного общества Достоевский видел в нравственном обновлении и возрождении людей в духе высоких христианских идей — мысль, получившая свое обоснование уже в "Идиоте". Христианство учит об образе и подобию Божьему в человеке. Официальная церковь же учит о человеке почти исключительно, как о грешнике, которого нужно научить спасению. Истина о человеке, о его центральной роли в мироздании, даже когда она раскрывалась вне христианства, имела христианские истоки. "Но официальное православие, официальная церковь не хотела об этом слушать".

В русском сознании эсхатологическая тема занимает значительно большее место, чем в сознании западном. Это связано с тем, что русское сознание, мало способно и мало склонно удержаться на совершенных формах культуры, на "золотой середине". "Русскими народ очень одаренный, но у него сравнительно слабый дар форм. Сильная стихия опрокидывает всякую форму" [6,215]. Христианское откровение, Бердяев считает, эсхатологическим, "откровение о конце этого мира, о Царстве Божьем" [6,216]. Царство Божье есть преобразование мира, не только преображение индивидуального человека, но так же преображения социальное и космическое. Это – конец этого мира, мира неправды и уродства, и начало нового мира, мира правды и красоты. Когда Достоевский говорил, что красота спасет мир, он имел в виду преображение мира, наступление Царства Божьего. Это и есть эсхатологическая надежда. Она была у большей части представителей русской религиозной мысли – в учении о свободе Хомякова, в учении о Богочеловечестве Соловьева, во всем творчестве Достоевского, в философии Бердяева. Идея Богочеловечества, как сущности христианства, мало раскрывалась западной христианской мыслью и является "оригинальным порождением русской христианской мысли". Русская религиозная мысль обращена к отдаленному будущему, когда насущные экономические проблемы будут решены, "она обращена к вечности". В русском сознании "всегда есть устремленность к чему-то бесконечному". У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. Эсхатологическая устремленность, является глубинным свойством русского сознания. На почве русского православного сознания, по мнению Бердяева, возможно раскрытие нового учения о человеке, об истории и обществе. Только христианство антропоцентрично и в принципе своем освобождает человека от власти космоса и общества. Человек должен стать Богом, но может это сделать лишь через Богочеловека и в Богочеловечестве, которое предполагает творческую активность человека. В этом главный смысл и миссия русского философского сознания.

Литература

1. Кант И., Сочинения. В 6-ти томах. – М.: Наука, 1965. Том 4. Часть 1. стр.499-500.
2. Фет А.А., Стихотворения и поэмы. Современники о Фете. – М.: Правда, 1988. стр.39.
3. Андреев А.Л., Николай Александрович Бердяев – философия, история и политика, в кн. Бердяев Н., Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. стр.161-200.
4. Бердяев Н.А., Судьба России. — М.: Изд-во МГУ, 1990.
5. Бердяев Н.А., Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
6. Бердяев Н.А., Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века в кн. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990.
7. Франкл В., Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. стр. 24-283.
8. Бердяев Н.А., Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
9. Громов М.Н., Козлов Н.С., Русская философская мысль X-XVII веков. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
10. Философский энциклопедический словарь. — 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
11. Гайденок В.П., Смирнов Г.А., Западноевропейская наука в средние века. – М.: Наука 1989.
12. Чанышев А.Н., Курс лекций по древней философии. – М.: Высшая школа, 1981.
13. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М: Молодая Гвардия, 1992.
14. Нерсисянц В.С., Сократ. – 2-ое изд. – М.: Наука, 1984.
15. Маркс К., Энгельс Ф., Сочинения. – 2-ое изд. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 — 1981. – Том I. стр.99.
16. Спиркин А.Г., Основы философии. – М.: Политическая литература. 1988.

17. Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. стр. 194-229.
18. Гулыга А.В., Философское наследие Шеллинга. — в кн. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 82-х томах. – М.: Мысль, Том 1, 1987; Том 2, 1989.
- 19 Франкл С.Л., Смысл жизни. – М.: Республика, 1992. стр.147-216.
20. "Бар" — это просто "доска". О русском западничестве и патриотизме рассуждают писатели Василий Аксенов и Виктор Ерофеев. // Московские новости № 6., 1991, стр.14.
21. Гоголь Н.В., Выбранные места из переписки с друзьями, в кн. Собрание сочинений в 7-ми томах. Том 6. – М.: Художественная литература, 1986.
22. Ницше Ф., Сочинения в 2-х томах. Том 1. – М: Мысль, 1990.
23. Достоевский Ф.М., Собрание сочинений в 15 томах. Том 7 "Бесы". – Л.: Наука, 1990.